

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ХАКСЛИ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Тамара Львовна Селитрина

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Методология и методика гуманитарных исследований» Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа, Россия)

e-mail: selitrina@yandex.ru

ORCID: 003-0357-2218

Аннотация. В отечественном литературоведении существует множество работ, посвященных мировому значению Льва Толстого. Однако, как правило, изучается влияние русского писателя на известных классиков реалистической прозы, в частности Т. Гарди, Б. Шоу, Дж. Голсуорси в Англии, Р. Роллана, Р. Мартен дю Гара во Франции, Т. Драйзера, У.Д. Хоуэллса, Э. Хэмингуэя в США. Этому аспекту посвящены серьезные монографические труды Т.Л. Мотылевой, которая отмечала, что писатели-реалисты Западной Европы и США учились у Толстого искусству типизации и изображения типических характеров в типических обстоятельствах. Считалось, что Толстой раздвинул рамки художественной прозы. В данной статье продолжено изучение влияния поэтики Толстого на западноевропейских авторов, в частности на Олдоса Хаксли. Нам импонирует мысль А.М. Зверева о том, что Хаксли в большей мере моралист, чем сатирик. В статье подчеркивается, что в своих письмах Хаксли называет произведения Толстого удивительными и восхитительными. Хаксли читал и перечитывал романы «Война и мир» и «Анна Каренина» на протяжении всей жизни. В статье показывается, что в изображении сложных душевных движений персонажей О. Хаксли, вероятно, учитывал опыт Толстого. Полагаем, что даже искусству монтажа Хаксли мог учиться у Толстого. На наш взгляд, само стремление Хаксли создать универсальную религию для всех сродни толстовским исканиям в этой сфере. Подчеркивается, что Л. Толстой вошел в духовный мир Хаксли как выдающийся мастер слова и глубокий мыслитель.

Ключевые слова: Л. Толстой, О. Хаксли, «Контрапункт», психологическая проза, Л. Гинзбург, Е. Эткинд, В. Вулф, Т. Мотылева

Тема «Толстой и зарубежные писатели» поднималась ранее в монографии Т.Л. Мотылевой «О мировом значении Л.Н. Толстого» (1957). Исследователь подчеркнула, что она представила лишь «общую постановку вопроса о предпосылках, характере, этапах влияния Толстого на мировую литературу, и конкретный материал, подтверждающий это влияние» [Мотылева 1957: 6]. Среди английских авторов она выделила Гарди, Голсуорси и Шоу, которых, на ее взгляд, Толстой «учит реалистическому мастерству типизации, глубокому проникновению в суть жизненных явлений» [Мотылева 1957: 7].

Спустя двадцать лет, в 1976 г., Т. Мотылева издала обширную монографию «“Война и мир” за рубежом. Переводы. Критика. Влияние», показав значение романа Льва Толстого в развитии мировой литературы. Исследователь пояснила, что ее книгу следует рассматривать как «дальнейшее развитие, уточнение, конкретизацию» ряда моментов ее предыдущей работы, напомнив, что в Англии XIX в. уже существовала «сильная национальная школа реалистического романа» [Мотылева 1976: 3, 202].

Известно, что первым о Толстом в Англии заговорил Мэтью Арнольд в статье, посвященной «Анне Карениной». Глубокий анализ взаимоотношений М. Арнольда и Л. Толстого дал академик М.П. Алексеев в работе «Мэтью Арнольд и Лев Толстой». Арнольд назвал Толстого, после личной встречи с ним в 1861

г. «одним из самых замечательных, интересных и симпатичных людей нашего времени» [Алексеев: 45]. Их знакомство произошло на почве интереса Толстого к английской педагогической системе: Толстой собирался создать яснополянскую школу, а М. Арнольд служил в то время инспектором английских школ. Спустя двадцать лет, когда Арнольд был уже известным поэтом, эссеистом, богословом и философом, их отношения возобновились. Толстому импонировали религиозные взгляды Арнольда, его мысли о назначении критики. В свою очередь Арнольда настолько заинтересовали произведения Толстого, что он написал о нем большую статью, дав подробный анализ «художественной и религиозно-философской деятельности русского писателя» и высоко оценивая его «великую душу» [Там же: 44]. Статья Арнольда, опубликованная в журнале “The Fortnightly Review” в 1887 г., имела большое влияние в англо-саксонском мире, «положила начало увлечению Толстым в Англии» и была перепечатана затем в Америке.

В. Вулф в эссе о «Казаках» Толстого, опубликованном ею в 1917 г. в литературном приложении к «Таймс», с удовлетворением отметила, что в серии «Мировая классика» появилось «отрадное пополнение» [Вулф 2012: 394]. Она обратила внимание на «необыкновенно острый глаз Толстого, который как волшебный луч проникает всюду и все подмечает [...] нам ведомы сложные душев-

ные движения персонажей, их думы о любви и бессмертии [...] Толстой поражает насыщенностью жаждой жизни, которой мы не в силах противиться» [Там же: 394]. В. Вулф отмечает «непрерывно ищущую мысль Толстого» [Там же: 395]. Спустя три года, в 1920 г., в своем эссе «Горький о Толстом» она отметила «необыкновенную мощь Толстого» [Там же: 421]. В отличие от критикуемых ею Арнольда Беннетта, Г. Уэллса и Дж. Голсуорси, в творчестве Льва Толстого, по ее мнению, «жизнь не ускользает» [Там же: 321]. Полагаем, что в литературном импрессионизме самой В. Вулф, интересующейся фактурой человеческого опыта, «попытками схватить мириады впечатлений, улавливаемых индивидуальным сознанием», учтен и опыт Толстого [Там же: 120].

Другой сторонник литературного импрессионизма, американский писатель Генри Джеймс, часто бывавший у блумсберийцев, рекомендовал начинающим авторам остерегаться следовать за Толстым: «Он грандиозен и вызывает восхищение [...] учеников, которым не дано его слоновьей мощи, он может только сбить с дороги и погубить» [Джеймс: 526]. Одновременно Джеймс подчеркивал, что Толстой – это «безбрежное море жизни, зеркало, огромное событие, зеркало величиной с огромное озеро» [Там же: 526]. Поклонник Тургенева Джеймс был приверженцем принципа «отбора и единства».

У Толстого учились и Марсель Пруст, и Джеймс Джойс. Вопреки мнению Джеймса, книги Толстого стали школой литературного мастерства и, на наш взгляд, эту школу прошел и Олдос Хаксли. Он называл «Войну и мир» «величайшей книгой», читал и перечитывал Толстого в разные периоды жизни [Huxley: 116].

Роман «Контрапункт» (1928) подвел итог первого периода творчества Хаксли. Он сам отдавал предпочтение «Контрапункту» перед другими своими романами и вывел себя в образе писателя Филиппа Куорлза, который в своей «Записной книжке» сформулировал концепцию своей будущей книги:

«Литература должна быть как музыка. Не так, как у символистов, подчинявших звуку смысл. Но в большем масштабе, в композиции [...]. Можно промодулировать тему во всех ее аспектах, можно написать вариации в самых различных тональностях. Многоголосие. Все голоса равноправны. Весь смысл нового способа смотреть на вещи – в их многообразии. Многообразие взглядов и многообразие вещей... Я хотел бы взглянуть на мир всеми глазами сразу – глазами верующего, глазами ученого, глазами экономиста, глазами обывателя» [Хаксли: 274].

Таким образом, на взгляд английского критика Уолтера Аллена, создается «иллюзия множества жизней, протекающих одновременно, в определенном месте и в определенные часы» [Аллен: 57].

Тему «Контрапункта» биограф Хаксли Гендерсон видел в эпитафии к роману из английского поэта XVII в. Фалка Гревилла: «Как безотрадн судьба людей, живущих в суете, и за суетность осуждаемых» [Хаксли: 22].

Западные и отечественные исследователи обратили внимание на то, что в творчестве Хаксли присутствуют многочисленные отсылки и аллюзии на художественное наследие Шекспира, Дефо, Свифта, библейские тексты и т. д. Прецедентный культурный фон в «Контрапункте» чрезвычайно обширен. Здесь и Толстой, и Достоевский, и Байрон, и Шелли, и Пруст и т. д.

Хаксли отвергал проявление модернизма. Стремясь построить роман «Контрапункт» по музыкальным законам, Хаксли следовал принципам классического реализма: герои показаны в их собственных социальных обстоятельствах и ими детерминированы.

Несмотря на то, что в «Записных книжках» Филиппа Куорлза читатель обнаруживает прямые инвективы в адрес Толстого: «его рассуждения о нравственности омерзительны, а эстетика, социология и религия достойны только презрения», Куорлз тем не менее признает, что «Толстой – превосходный романист» [Хаксли: 441]. Хаксли мог переверить некоторые свои суждения Куорлзу лишь отчасти.

На наш взгляд, в художественном воплощении душевной жизни человека Хаксли шел во многом за Толстым. Полагаем, что

отечественная критика 1960-х гг. достаточно предвзято судила о Хаксли, считая, что он «отказывался от основных принципов большого реалистического искусства» [Жантиева: 285]. Но и такой маститый английский критик, как Арнольд Кеттл, обладающий высоким эстетическим вкусом, был слишком суров к Хаксли, считая, что «ему не удаются характеры и диалоги», и что «мир как живой организм в романе не изображается» [Кеттл: 385]. Этот суровый приговор Кеттл сам же парирует оценкой Д.Г. Лоуренса, который утверждал, что в романе «Контрапункт» воплощен «животрепещущий момент или состояния человека такими, каковы они на самом деле», также отмечая, что Хаксли показал «последнюю правду о нашем поколении» [Кеттл: 387].

Традиции Толстого отмечаются во внутренних движениях чувств и настроениях персонажей, во взаимоотношениях Уолтера Бидлейка и его жены Марджори, в изображении семьи Куорлзов и трагедии медленного угасания ребенка, а также во многих других эпизодах романа. Противоречивость интересов людей, изменчивость и многообразие жизни – все эти явления нашли отражение на страницах «Контрапункта».

Организирующим центром романа является поместье Тентемаунтов, в котором на концерте встречаются почти все действующие лица. Автор кратко воссоздает историю обогащения семейства Тентемаунтов за счет

бедствий трудового народа. Среди присутствующих выделяется дочь хозяина дома Люси и влюбленный в нее журналист и писатель Уолтер Бидлейк, критик Барлеп, фашист Уэббли и коммунист Иллидж. Званный вечер у Тентемаунтов напоминает прием в салоне Шерер. Как и у Толстого, жизнь высших классов построена на своекорыстии и лжи: «перед нами коллективный портрет лондонского интеллектуального мира» [Зверев: 469]. Не случайно Куорлз задумал создать роман об обществе, к которому он принадлежит, под названием «Бестиарий». В этом обществе «преобладает страх перед горькими истинами о жизни, лишенной гармоничности и осмысленности» [Там же: 469]. Уолтер Бидлейк, вдохновленный поэзией Шелли, вообразил романтическую любовь к немолодой и добродетельной Марджори, которую, как ему кажется, он спас от жестокого и brutального супруга, женившись на ней.

Одновременно он испытывает унизительную страсть к Люси Тентемаунт, инфернальному существу с потребностью властвовать и чувствовать свое могущество. Она способна любить только самое себя, но тем не менее Уолтер, понимая это, находится во власти инстинктов, которые сильнее его интеллектуальных построений. На вечере присутствуют отец Уолтера Джон Бидлейк, плодовитый художник, давно утративший высокое духовное начало в творчестве и поставивший «на поток» бесконечное изобра-

жение «цветущих тел». Человеком, лишенным элементарного сочувствия к несчастным и обездоленным, представлен вожак «свободных британцев» Уэббли (карикатура на главаря английских фашистов Освальда Мосли). Аристократический отпрыск Морис Спендрелл, будто сошедший со страниц романа Оскара Уайльда с его аморальным гедонизмом холодных душ, чужд каких-либо нравственных ориентиров.

Положительный идеал воплощен лишь в образе Марка Ремпиона, литератора и художника, прототипом которого явился друг Хаксли Дэвид Герберт Лоуренс. Лишь в нем писатель видит гармоническую личность.

Несмотря на неприятие религиозной доктрины позднего Толстого, Хаксли считал, что «Толстому чужда ограниченность», «инстинктивно Толстому веришь больше, чем специалисту в области интеллекта или религии» [Хаксли: 442].

В знаменитой книге Лидии Гинзбург «О психологической прозе» отмечено, что «психологический анализ пользуется разными средствами. Он осуществляется в форме прямых авторских размышлений или в форме самоанализа героев, или косвенным образом в изображении жестов, поступков, которые должен аналитически истолковать подготовленный автором читатель» [Гинзбург: 347]. Она же отметила: «Творчество Толстого – высшая точка аналитического психологизма XIX в. И все его возможности вырази-

лись с предельной мощью и с той же последовательностью, которая означает не нарастание, не развитие предшествующего, но переворот» [Там же: 285].

Е. Эткинд, продолжая разговор о психологической прозе в книге «Внутренний человек и внешняя речь», пишет, что «открытие, сделанное Толстым, важно и для психологии. Мысль относится к эмоциональному миру “внутреннего человека” как слово к мысли. Мысль есть первое упорядочение, осмысление душевного хаоса, которое, в свою очередь, нуждается в осмыслении и экстерииоризации посредством слова» [Эткинд: 317]. Эткинд приводит в пример психологическое состояние Алексея Каренина, который начинает понимать, что его жена Анна влюблена во Вронского (роман Толстого цитируется по работе Эткинда):

«На каждом протяжении своей прогулки, и большей частью на паркетe светлой столовой, он останавливался и говорил себе: “да, это необходимо решить и прекратить, высказать свой взгляд на это и свое решение” и он поворачивает назад: “но высказать что же, какое решение” говорил он себе в гостиной, и не находил ответа. “Да, наконец, что же случилось? Ничего. Она долго говорила с ним. Ну что же, мало ли с кем женщина в свете может говорить?”» [Там же: 140].

В одной из сцен романа Хаксли описывается состояние Бидлейка, разлюбившего Марджори и увлеченного Люси Тентемаунт:

«Чего он хотел? Он хотел Люси Тентенмаунт. Он хотел ее вопреки рассудку, вопреки всем своим идеалам и принципам, неудержимо, вопреки своим собственным стремлениям, и даже вопреки своему чувству, потому что он не любил Люси, мало того, он ненавидел ее. Ну, а если цель постыдна. Тогда как? Из-за Люси он причинял страдания Марджори, которая его любила и которая была несчастлива. Одна часть его “Я” внимала ее мольбам и склонялась к тому, чтобы не поехать на вечер и остаться дома. Но другая часть была сильнее. Он ответил наполовину ложью, в которой была оправдывавшая его доля истины» [Хаксли: 28].

Здесь налицо объясняющий и обуславливающий психологизм по типу Толстого. Хаксли использует манеру Толстого и показывает человека как сложное единство. Психологический монолог становится внутренним диалогом в момент конфликта.

Считается, что Хаксли был новатором в искусстве монтажа: «пока Джон убивает жену, Смит катает по саду ребенка в колясочке» [Хаксли: 411]. Однако исследователи забывают, что уже в рассказе Толстого «Фальшивый купон», а также в повести «Хаджи Мурат» действие не развивается постепенно, а состоит из сцен, представляющих основные моменты рассказа. По словам самого Толстого, «рассказ ведется в манере кинетоскопа, сцена то и дело сменяет одна другую» [Святополк-Мирский, 2009: 481].

Нас не должны смущать острота и противоречивость трактовок и оценок творчества

Толстого на протяжении XIX–XX вв., но мы видим, что его произведения, в частности «Война и мир», были камертоном для сравнительного анализа многих авторов. В дневнике от 16 августа 1921 г. Вирджиния Вулф записала: «Том, великий Том [Элиот], считает роман “Улисс” равным “Войне и миру”», а затем, 6 сентября, добавила: «смешно сравнивать его с Толстым». На следующий день она записала: «у Джойса не было великой идеи, она не входила в его план. Том не считает, что Джойс сумел по-новому показать внутреннюю жизнь человека, – ничего нового, в отличие от Толстого» [Вулф 2009: 84].

Как видим, Толстой оставался ориентиром и вехой в дискуссиях о перспективах романа и изображении духовного мира человеческой личности. Полагаем, что английские романисты (В. Вулф, Д. Лоуренс, Ф.М. Форд, О. Хаксли), американский писатель Генри Джеймс двигались по разным, но сопряженным орбитам, которые в совокупности представляли оригинальную систему, в которой творческое развитие каждого находилось в соответствии с общим литературным процессом.

Литература

Алексеев, М.П. Мэтью Арнольд и Лев Толстой // Россия. Запад. Восток. Встречные течения. К 100-летию со дня рождения академика М.П. Алексеева / под ред. А.С. Лихачева. СПб.: Наука, 1996. С. 25–46.

Аллен, У. Традиция и мечта. Краткий обзор английской и американской прозы с 20-х годов до сегодняшнего дня / пер. с англ. В. Скорденко и Н. Анастасьев. М.: Прогресс, 1970.

Вулф, В. Дневник писательницы / пер. с англ. Л.И. Володарской. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2009.

Вулф, В. Обыкновенный читатель / изд. подгот. Н.И. Рейнгольд. Отв. ред. А.Н. Горбунов. М.: Наука, 2012.

Гинзбург, Л. О психологической прозе. Л.: Советский писатель, 1971.

Джеймс, Г. Иван Тургенев // Генри Джеймс. Женский портрет / пер. с англ. М.А. Шершевская, Л.Е. Полякова. М.: Наука, 1981. С. 524–530.

Жантеева, Д. Английский роман XX века. 1918–1939. М.: Наука, 1965.

Зверев, А.М. Хаксли // Энциклопедический словарь английской литературы XX века / отв. ред. А.П. Саруханян; Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М.: Наука, 2005. С. 468–470.

Кеттл, А. Введение в историю английского романа / пер. с англ., предисл. В. Ивашевой, примеч. В. Скорденко. М.: Прогресс, 1966.

Мотылева, Т. О мировом значении Л.Н. Толстого. М.: Советский писатель, 1957.

Мотылева, Т. «Война и мир» за рубежом. Переводы. Критика. Влияние. М.: Советский писатель, 1976.

Святополк-Мирский, Д.П. История русской литературы с древнейших времен по

1925 г. / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск: изд-во «Свиныйн и сыновья», 2009.

Хаксли, О. Контрапункт / пер. с англ. И. Романовича. СПб.: Амфора, 1999.

Эткинд, Е. «Внутренний человек» и «внешняя речь». Очерки психоэтики русской литературы XVIII–XIX вв. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

Huxley A.L. (1969). *Letters of Aldous Huxley* (G. Smith, Ed.). New York; Evanston: Harper & Row.

References

Alekseev, M.P. (1996). *Mežy Arnold i Lev Tolstoj* [Matthew Arnold and Leo Tolstoy]. In A.S. Likhachev (Ed.), *Rossiya. Zapad. Vostok. Vstrechnye techeniya. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika M.P. Alekseeva* [Russia. West. East. Countercurrents. On the 100th anniversary of the birth of Academician M.P. Alekseev]. St. Petersburg: Nauka, 25–46.

Allen, U. (1970). *Tradition and dream. A critical survey of British and American fiction from the 1920s to the present day* (V. Skordenko, & N. Anastasyev). Moscow: Progress.

Etkind, E. (1998). “*Vnutrennij chelovek i vneshnyaya rech*”. *Ocherki psihopoetiki russkoj literatury XVIII-XIX vv.* [“The Inner man” and “External speech”. Essays on the Psychopoetics of Russian Literature of the 18th-19th Centuries]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoj kul'tury”.

Ginzburg, L. (1971). *O psihologicheskoy proze* [On psychological prose]. Leningrad: Sovetskij pisatel'.

Huxley A.L. (1969). *Letters of Aldous Huxley* (G. Smith, Ed.). New York; Evanston: Harper & Row.

Huxley A.L. (1999). *Point counter point* (I. Romanovich, Trans). Saint Petersburg: Amfora.

James, H. (1981). *Ivan Turgenev*. In H. James, *The portrait of a lady* (M.A. Shershevskaya, & L.E. Polyakova, Trans.). Moscow: Nauka, 524–530.

Kettl, A. (1966). *An introduction to the English novel* (V. Ivasheva, Trans.). Moscow: Progress.

Motyleva, T. (1957). *O mirovom znachenii L.N. Tolstogo* [On the global significance of L.N. Tolstoy]. Moscow: Sovetskij pisatel'.

Motyleva, T. (1976). “*Vojna i mir*” *za rubezhom. Perevody. Kritika. Vliyanie* [“War and Peace” abroad. Translations. Criticism. Influence]. Moscow: Sovetskij pisatel'.

Svyatopolk-Mirskij, D.P. (2009). *Istoriya russkoj literatury s drevnejshih vremen po 1925 g.* [The history of Russian literature from the earliest times to 1925] (R. Zernova, Trans.). Novosibirsk: Svin'in i synov'ya.

Woolf, V. (2009). *A writer's diary* (L. Volodarskaya, Trans.). Moscow: Centr knigi VGBIL im. M.I. Rudomino.

Woolf, V. (2012). *The common reader* (N.I. Rejngol'd, & A.N. Gorbunov, Eds.). Moscow: Nauka.

Zhantieva, D. (1965). *Anglijskij roman XX veka. 1918–1939* [English novel of the 20th century. 1918–1939]. Moscow: Nauka.

Zverev, A.M. (2005). *Huxley*. In A.P. Sarukhanyan (Ed.), *Enciklopedicheskij slovar' anglijskoj literatury XX veka* [Encyclopedic dictionary of XXth century English Literature]. Moscow: Nauka, 468–470.

Для цитирования: Селитрина, Т.Л. Лев Толстой и Хаксли: к постановке вопроса // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2025. Т. 10. № 1. С. 125–134. DOI: 10.18522/2415-8852-2025-1-125-134

For citation: Selitrina, T.L. (2025). Leo Tolstoy and Huxley: selected settings. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 10 (1), 125–134. DOI: 10.18522/2415-8852-2025-1-125-134

LEO TOLSTOY AND HUXLEY: TO RAISE THE QUESTION

Tamara L. Selitrina, Dr. Habil. (Philology), Chief Researcher of the Research Laboratory at Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russia); e-mail: selitrina@yandex.ru

Abstract. In Russian literary criticism there are many works devoted to the global significance of Leo Tolstoy. However, as a rule, the influence of the Russian writer on famous classics of realistic prose is studied, in particular, T. Hardy, B. Shaw, J. Galsworthy in England, R. Rolland, R. Martin du Gard in France, T. Dreiser, W.D. Howells, E. Hemingway in the USA. This aspect is the subject of serious monographic works by T.L. Motyleva, who noted that realist writers of Western Europe and the USA learned from Tolstoy the art of typification and depiction of typical characters in typical circumstances. It was believed that Tolstoy expanded the boundaries of fiction. This article continues the study of the influence of Tolstoy's poetics on Western European authors, in particular, on Aldous Huxley. We are impressed by the idea of A.M. Zverev that Huxley was more of a moralist than a satirist. The article emphasizes that in his letters Huxley calls Tolstoy's works amazing and delightful. Huxley read and reread the novels "War and Peace" and "Anna Karenina" throughout his life. The article proves that in depicting the complex emotional movements of the characters, Huxley certainly took into account Tolstoy's experience. We believe that Huxley could have learned even the art of editing from Tolstoy. In our opinion, Huxley's very desire to create a universal religion for everyone is akin to Tolstoy's searches in this area. It is emphasized that Tolstoy entered Huxley's spiritual world as an outstanding master of words and a deep thinker.

Key words: Leo Tolstoy, Aldous Huxley, "Counterpoint", psychological prose, L. Ginzburg, E. Etkind, V. Woolf, T. Motyleva

